

КАКАЯ-ТО В ДЕРЖАВЕ ДАТСКОЙ ГНИЛЬ

ОДИН ЗА ДРУГИМ УХОДЯТ ЛУЧШИЕ:

ТЕПЕРЬ — ИННОКЕНТИЙ СМОКТУНОВСКИЙ И ЕВГЕНИЙ СИМОНОВ

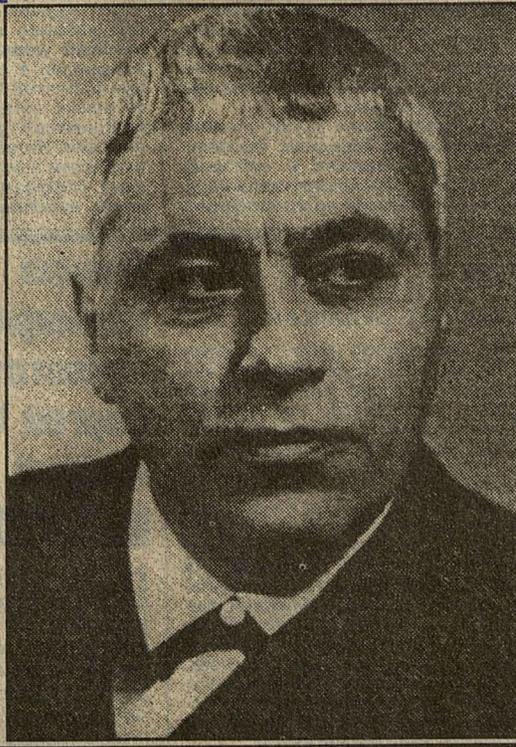
Независимая газ. — 1994. — 5 авг. — с. 1.

Григорий Славин

In memoriam

ПРОЙДЕТ время, и в сознании два этих имени разойдутся. Вспоминать о них — и это естественно — станут отдельно. Но сегодня все газеты будут писать о страшном совпадении, когда с разницей то ли в час, то ли в полтора умерли от инфаркта одногодки — Иннокентий Михайлович Смоктуновский и Евгений Рубенович Симонов. Два народных артиста СССР. Шестидесятники, не дожившие до семидесяти. Два интеллигента.

Евгений Рубенович Симонов долгие годы возглавлял Театр имени Вахтангова. Ставил спектакли. И кому-то показалось, что его неудачи — спектакли, которые сдавали по несколько раз, — это достаточное условие, чтобы избавиться от такого главного режиссера, и многие достойные люди принимали участие в этой «работе». Симонов ушел, возглавил почти без паузы новое дело — Театр дружбы народов, а вахтанговский — без Симонова — вдруг и как-то стремительно начал чахнуть. Симонов был замечательный организатор, художественный руководитель. Играло свою роль и его отчество. Человек из семьи, человек с хорошей фамилией. С традициями, на которых он был воспитан и потому, наверно, знал секрет как обращаться с ними, такими хрупкими, чтобы не погубить. Ведь возродить утерянные театральные традиции невозможно — получается реконструкция. Его талант театрального организатора, театрального руководителя оценить тогда не успели, не смогли. Кроме того, он знал, как общаться с властью. Возможно, и

Свободный рынок, свобода слова, свобода творчества, свободная медицина... Казалось бы, живи и радуйся, особенно если ты, пусть и в возрасте, но талантлив, имеешь добрую репутацию, множество друзей и огромное число почитателей.

Не получается, один за другим уходят от нас Алесь Адамович, Евгений Леонов, Николай Крючков, Олег Борисов, Юрий Нагибин...

И вот — еще двое.

здесь ему помогла слишком громкая, даже для власти, фамилия.

Что их объединяет со Смоктуновским? Кроме интеллигентности, кроме таланта? Они ведь даже кажутся представителями разных поколений. Смоктуновский — очевидный шестидесятник, Симонов — кажется представителем поколения, выросшего в те самые «невегетарианские времена», ко-

гда страх перед реальными лагерями был ненадуманным, настоящим, живым. Шестидесятникам, при всех их страхах, всех их заблуждениях, всех их иллюзиях и смелых поступках, грезилась уже другие беды. И ужасы в то время были другими. И была уже тихая свобода. Московский фестиваль 1957-го вошел небольшой сценкой на ступенях кинотеатра в фильм «Москва слезам не верит».

«А как ваша фамилия?» — «Она вам все равно ничего не скажет. Смоктуновский». Этот диалог, забавный тем, что молодого Смоктуновского играл сам Смоктуновский, уже народный артист республики или даже Союза, приходит на память, едва отпускает первое потрясение. У каждого, впрочем, свои воспоминания. Смоктуновский умер, и можно уже безбоязненно говорить о нем

в превосходных степенях, не боясь переხвалить. Хотя он, кажется, знал себе цену — понимал, что гений, лучший Гамлет нашего, а может быть, и мирового кино, по мнению многих — лучший князь Мышкин на нашей сцене.

Он разговаривал с Богом. Так же легко, как говорил с Ним Бах в одном из ранних стихотворений Бродского:

— Здравствуйте, Бах!

— Здравствуйте, Бог!

Кстати, по иронии (или чему другому — не знаю) судьбы его последней ролью на театре был Бах. Глупо теперь скрывать свою любовь к нему, пиетет — он умел не допускать к себе, держать дистанцию, не сказать о том, что в глухие годы его пораженные рефлексией герои, интеллигент Гамлет (и разве необходимо всех перечислять?!) были в какой-то мере оправданием нашей собственной жизни и нашим простым или, наоборот, много более сложным, вселенским сомнениям. «Фирменные» его «лишние» жесты служили лишь обрамлением «лишним» мыслям и «лишним» сомнениям. Интеллигенты-интеллектуалы могли противостоять не только уличным хамам, трамвайным хамам и всем прочим, но и интеллектуалам, лишенным интеллигентности и — шире — нравственного начала.

«Наши» звезды остаются только нашими звездами, хотя Гамлет Смоктуновского был оценен и английскими критиками, и все равно — Дюочкин, Мышкин, Головлев, Бах — все они наши. И горе поэтому — это только наше, хотя кажется, что — вселенское.

И все равно никакими словами не выразить чувства сиротства, не общей, а частной утраты. Каждого из нас. Невозможно подобрать слова. Такая потеря!

Смоктуновский Иннокентий Михайлович

5.8.94